
А. А. БУЛЫЧЕВ

**Два розыска о «заговорных» письмах
во второй четверти—середине XVII столетия
(по материалам Разрядного приказа)**

Среди документов Разрядного приказа — одной из самых сохранившихся архивных коллекций делопроизводственных материалов центрального учреждения Московского царства допетровского времени — встречаются розыскные дела о колдовстве, «заговорных» письмах и прочих преступлениях духовного характера. Подобные находки в архиве военного ведомства не должны вызывать удивления, поскольку Государев Разряд наряду с другими столичными приказами, включая Посольский, помимо своих непосредственных функций, управлял какой-либо территорией с правом суда местного населения по всем правонарушениям, кроме смертоубийства. Такое положение сохранялось до января 1654 г., когда царь Алексей Михайлович, явно угождая «собинному другу» патриарху Никону, повелел судьям Разрядного приказа передать имеющиеся у них «еретические дела и заговоры, и коренья, и травы» в Патриарший Разряд.¹ Очевидно, речь велась о следственных делах, находившихся на тот момент в производстве. Аналогичные монаршие указы, по-видимому, получили и руководители других центральных учреждений Российской державы, однако скверная сохранность их архивов не позволяет удостовериться в этом непосредственно.

«Заговоры», или «заговорные» письма, представляют собой зафиксированный на бумаге, реже пергамене, вербальный «оберег», охраняющий своего владельца от различных напастей и невзгод. Несмотря на частую апелляцию к Богу, Божьей Матери или Небесным Силам, «заговорное» письмо всецело принадлежит потаенному миру славянского язычества, отчего его обнаружение всегда рассматривалось как явное преступление против христианской веры.

Перипетиям двух «розысков» местных и столичных властей в отношении владельцев таких писем и посвящена настоящая работа.

¹ *Николай (Ярушевич), иером.* Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича <1649 г.>: (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде): Историко-каноническое исследование. Пг., 1917. С. 605.

* * *

25 января 1638 г. в усадьбе стольника М. С. Волынского, которая располагалась на Тверской улице в Москве, произошло чрезвычайное происшествие.² Дворовый человек Ф. Иванов нашел бумагу с колдовским заговором. Как удалось выяснить в ходе домашнего расследования, это письмо принадлежало «челядинцу» Волынского М. Шигилеевскому. Через два дня стольник отправил своего провинившегося домового слугу вместе с «воровской грамоткой» в Государев Разряд, к дьякам думным И. Гавреневу и Г. Ларионову для официального следствия. Под угрозой пытки Шигилеевский сознался, что переписал это письмо приблизительно семь лет тому назад у сына боярского суздальского архиепископа «иноземца» Л. Куряновского, когда они вместе служили владыке Иосифу из рода князей Кориатовичей-Курцевичей.³ Князья Курцевичи вели свое происхождение от Кориата (Корьята, в крещении Михаила), сына великого князя Литовского Гедимины.

Судьба знатного «литвина», волею московского патриарха Филарета Никитича возведенного на кафедру старинной суздальской архиепископии, весьма показательна. Воспитанный в православии князь Иван Дмитриевич Курцевич-Булыга еще в юности принял монашеский постриг под именем Иезекииля. Новопостриженный инок немало путешествовал: некоторое время он провел на Афоне, посетил святыни Святой Земли, Италию, где, возможно, слушал лекции в Падуанском университете. По возвращении в Речь Посполитую Иезекииль Курцевич сначала настоятельствовал в Преображенском монастыре в селе Четвертня на Воляни, принадлежавшем князьям Четвертинским, а потом получил архимандритию в Успенской Терехтемировской (Трахтемировской) обители неподалеку от знаменитой Запорожской Сечи. В 1621 г. Иерусалимский патриарх Феофан, задавшись целью восстановить православную иерархию Речи Посполитой, уничтоженную Брестской унией 1596 г., хиротонисал архимандрита Иезекииля в епископа Владимира-Волынского и Брестского с именем Иосиф. Впрочем, ярый приверженец католицизма польский король Сигизмунд III Ваза (Васа) не только не признал легитимными епископов «Феофанова поставления», но и самого восточного патриарха объявил турецким шпионом. Положение титулярного архиерея, не имевшего ничего, кроме высокого церковного сана, вряд ли отвечало чаяниям Иосифа. Поэтому в 1623 г. он начал через посредников вести переговоры с московским царем и патриархом об условиях эмиграции в Россию.

Летом 1625 г. епископ Иосиф переехал из Киева в Москву, а на следующий год получил в управление Суздальскую архиепископию. Новый рус-

² Краткое изложение содержания следственного дела о «заговорном» письме М. Шигилеевского см.: Булыгев А. А. О колдовском заговоре против бубонной чумы: (По материалам архива Разрядного приказа) // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма / Чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. Москва, 27 января—1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 46—48 (*rotaprint*).

³ См.: РГАДА, ф. 210. Столбцы Приказного стола, д. 109, л. 439—441 (далее ссылки на следственное дело в тексте).

ский архипастырь немедля начал переселять к себе «литовских» родственников и челядь. Одним из первых в Суздале появилась супружеская чета Андрея и Марии Бермацких. С последней Иосифа связывали отношения, недопустимые для инока, и, дабы оправдать ее пребывание подле себя, она была объявлена им «сестрой». Отвратительная связь усугублялась сохранением брачных отношений между супругами. Со скандалом архиепископ сделал мужа любовницы архиепископским боярином и главой своей администрации. Чересчур широкие представления Иосифа о допустимых границах собственного поведения, равно как и бесчинства его подручников, вызвали законное возмущение подначальной ему паствы: духовенства и мирян. Однако, обретя в лице патриарха Филарета всесильного покровителя, явно симпатизировавшего родовитому «иноземцу», Иосиф Курцевич ощутил себя в привычной для Речи Посполитой атмосфере вседозволенности. Рассчитывая на патриаршую защиту в любой, даже самой скандальной ситуации, он продолжал вести веселую и беззаботную жизнь литовского магната, не связанного никакими обязательствами ни перед Богом, ни перед земными властями.

Крах наступил вскоре после кончины Филарета Никитича. Весной 1634 г. новый московский патриарх Иоасаф I созвал Архиерейский собор для церковного суда над Иосифом. Судьи постановили отстранить его от управления епархией и сослать в Антониев-Сийский монастырь. Но на этом злоключения бывшего суздальского архиерея отнюдь не закончились. Многочисленные жалобы на Иосифа, ранее игнорировавшиеся всесильным патриархом Филаретом, теперь получили полное удовлетворение. В результате проведенного доследования он был приговорен к лишению епископского сана⁴ и переводу в Соловецкий монастырь под самый строгий «начал». Документальные свидетельства, собранные Е. Н. Горбатовым, позволяют уверенно говорить о смерти Иосифа Курцевича на Соловках в 1640/41 г.⁵

Показания М. Шигилеевского лишь подтверждали прежние известия о распространении «заговорных» писем среди лиц из окружения опального архипастыря. Еще в 1634 г. московскому дворянину Н. Ф. Панину, посланному на воеводство в Суздаль, вменялось в обязанность учинить обыск во «дворе» Иосифа Курцевича и его приближенных, переписав «архиепикуповы животы». Панин проявил преступную медлительность, отчего о предстоящем обыске и конфискации имущества стало известно всем, кого это непосредственно задевало. Например, «сестра» архиерея Мария Бермацкая успела уничтожить важные улики, изобличавшие ее как волшебницу и хранительницу «непригожих», а может быть, и «воровских» грамоток. На допросе служанки Бермацкой «да девка тотарка Василиска <...> сказывали на боярыню свою на Ман[ь]ку про корен[ь]е и про письмо, велела им жеч».⁶

⁴ См.: *Николай (Ярушевич), иером.* Церковный суд в России... С. 280, 281.

⁵ См.: *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Иосиф (Иезекииль) <Курцевич> // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 634–636; *Горбатов Е. Н.* Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 233–235 и особенно С. 236.

⁶ *Николай (Ярушевич), иером.* Церковный суд в России... С. 603–604.

Изъятие во время обыска «кореньев» и «письма» могло обернуться для нее весьма печальными последствиями, вплоть до огненной казни — сожжения «в срубe». Хранение «заговорного» письма наказывалось мягче, но тоже не сулило ничего хорошего. Если Л. Курьяновский и был обладателем такой грамотки, то, на свое счастье, к 1638 г. уже скончался.

«Челядинец» стольника Волынского проявил себя ловким человеком в ходе «розыска» в Разрядном приказе. Сумев убедить приказных следователей, что «х кокому воровству то писмо годно тово он, Мишка, не ведоет» и оттого «такова писма ни х кому не писывал и подметывал», Шигилеевский получил минимальное наказание за подобное преступление — монарх повелел его «в кнута места бить батоги нещадно» (л. 442, 443).

Уникальность следственного дела о «воровском» листе М. Шигилеевского, прежде всего, заключается в сохранении подлинника магического текста, обычно уничтожаемого после завершения дознания по делу. «Заговорная» грамотка, из-за которой началось судебное преследование Шигилеевского, представляла собой весьма загрязненный лист бумаги в восьмую долю (86,25 × 143,65 мм).⁷ Текст написан полууставом, переходящим в скоропись, рукою не вполне грамотного человека, не имевшего навыков профессионального письма. Содержание ее не менее любопытно: «Г(оспо)ди⁸ Б(о)же, благослови, W[т]че. Раб Б(о)жий / Михайло заговориваеть⁹ свое бѣлое⁹ тѣ/ло ѿ желѣзноѣ¹⁰ крови. /¹¹ Раб Б(о)жий Михайло, ведѣи ведѣна ешь, / колдѣи колдѣна ешь, я идѣ, волкъ, а всех / мне есть». Перед нами классический пример так называемого «белого» заговора, оберегающего от недугов и приносящего добро. По наблюдению одного из знатоков этого жанра фольклора, А. И. Алмазова, действенность заговора «предполагается в нем самом, иначе говоря, — в том слововыражении, в котором изложен заговор».¹² Поэтому даже ошибки или описки переписчиков владельцы «заговорных» писем воспринимали как неотъемлемую часть магической формулы, обязательной для повторения. Думается, замазанный чернилами текст на поле листа с «волшебным» текстом вполне мог быть воспроизведением особенностей внешнего вида протографа.

Шигилеевский, похоже, лукавил перед судьями, уверяя их, в механическом переписывании «воровской» грамотки у Л. Курьяновского. Текст не только вполне адаптирован под нового владельца, но и, судя по загрязненности бумаги, постоянно находился при нем. Более того, язык «заговорного» письма не имеет ярко выраженных маркеров южно- и западнорусского языка. В связи с чем возникает ощущение, что историю с его переписыва-

⁷ Автор этих строк имеет в виду внешний вид документа, каким он его видел в середине 1980-х гг. После реставрации столбца большая часть загрязнения была удалена.

⁸ При передаче «заговорного» письма слова «под титлом» раскрываются с заключением восстановленных фрагментов в круглые скобки; выносные буквы, внесенные в строку, выделяются курсивом.

⁹⁻⁹ Слова написаны над строкой.

¹⁰ Литера ъ в середине слова написана поверх а.

¹¹ На поле листа перед *раб* замазано чернилами: *сп...ѡ / еш (?)*.

¹² См.: Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры: (К истории византийской отреченной письменности). Одесса, 1901. С. 20.

нием с протографа «выезжего литвина» Шигилеевский, вероятнее всего, выдумал, дабы отвести от себя обвинения в сознательном создании и использовании магического артефакта.

Что же такое за «железная кровь», от которой искал спасения «челядинец» Волынского? Ранее автор этих строк уже высказывал предположение о семантической связи «железной крови» с «железой», т. е. бубонной чумой.¹³ Как известно, при кожно-бубонной форме развития заболевания на коже больного могут образовываться кровоточащие язвы, нередко кровоизлияния и кровотечения, отчего оно часто называлось «кровоавой чумой». Последний раз перед описываемыми событиями чумной «морвое поветрие» было зафиксировано в Великом Новгороде в 1606 г.¹⁴ Однако сегодня затруднительно однозначно ответить на вопрос: ведал ли М. Шигилеевский о точном назначении этого «заговора» или полагал его панацеей от любых напастей?

* * *

21 февраля 1651 г. в съезжую избу Ольшанского острога,¹⁵ что располагался на южной русской «украине», пришел к воеводе, белевскому сыну боярскому И. А. Бунину,¹⁶ местный верстанный «черкашенин» А. Т. Буйницкий с «изветом» на своего соотечественника И. С. Колатилина. По словам доносчика, сосланный из Путивля в Ольшанск в 1649/50 г., Ивашка Колатилин¹⁷ «пишет <...> в Ольшанском папы римского прелестные листы, а пре-

¹³ См.: Булыгев А. А. О колдовском заговоре против бубонной чумы... С. 48 (*рота-принт*).

¹⁴ См.: Домарадский И. В. Чума. М., 1998; Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России: (Материалы и очерки). М., 1960. С. 52. Ср.: Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 318–331.

¹⁵ В 1651 г. гарнизон Ольшанска состоял из 499 служилых людей по «отечеству» и по «прибору»: 91 детей боярских, 148 черкас, 151 казака, 98 стрельцов, 11 пушкарей, затинщиков и воротников (*Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 141).

¹⁶ И. А. Бунин начал служить с «городом» по Белёву в 1629 г., по «выбору» в 1658 г., был пожалован в московские дворяне в 1662/63 г. Служебная карьера И. А. Бунина протекала преимущественно на южной «украине» Московского царства, где ему довелось отправлять должности «стройщика» в Ливнах (1636) и городского воеводы в Чернавском остроге (до февраля 1637 г.), Ольшанске (1650/51 г.), Острожске (до марта 1657 г.). См.: *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м Отделении Московского архива Министерства юстиции. М, 1853. С. 48; Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 234; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 161, 271; РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 27, л. 68; д. 80, л. 172; д. 87, л. 405 об.

¹⁷ Причину ссылки И. Колатилина из Путивля в Ольшанск ныне выяснить невозможно, поскольку в фонде «Путивльская приказная изба» (РГАДА, ф. 1152) не сохранились документы за 1638–1675 гг., а фонд «Ольшанская приказная изба» (РГАДА, ф. 852) состоит из четырех единиц хранения, не имеющих отношения к описываемым событиям.

льщает де теми листами многих православных крестьян».¹⁸ Дабы придать своему «извету» большей убедительности, Буйницкий утверждал в «сказке» на следствии, что «в тех де листах писано: хто имеет тот лист у себя держати, тово ни огонь, меч, ни пулька николи не имет, а которая баба при себе имеет лист тот, и та баба не услышит болезни рождения дитяти своего. А в том де листу пишет, что был де он (лист. — А. Б.) ни на небе, ни на земли, а отворялся де тому, хто к нему с верою приходил, а писан де тот лист золотыми словами, а сослан к папя ж римському» (л. 292). Воевода, не мешкая, приступил к первичному «розыску» на месте, в ходе которого в деле о «воровских» грамотках появился еще один фигурант — ольшанский «черкашенин» М. Данилов. На него указал на допросе Колатилин, как на человека, не только владевшего протографом «прелестного листа», но и списком с него, изготовленным ответчиком. Данилов тут же выдал следствию две грамотки — одну, переписанную рукою Колатилина, и вторую ветхую «литовского письма». Бунин не стал долго разбираться: посадил И. Колатилина «за пристава» до государева указа. «А те листы — ветхой и новой Ивашковой рукоуки (так в тексте, надо: Ивашковой руки. — А. Б.) <...>, запечатав в столбец», вместе с «роспросными речами» Колатилина и Данилова, отправил к царю в Москву (л. 290, 291). По подсудности территории ольшанские бумаги попали в Государев Разряд.

На дознании в съезжей избе выяснились интересные подробности относительно происхождения «прелестного письма»: римский первосвященник не имел к нему никакого отношения. По заверению М. Данилова, злополучную грамотку он получил еще в Речи Посполитой от подьячего Т. Золочевского (Залочевского), а тот, в свою очередь, принял ее из рук святителя Феофана Иерусалимского, который «шол с Москвы на Литву и в Литве де многим людям такие листы роздовал» (л. 293). Показания Данилова ясно указывают на реальный протограф ольшанского «прелестного письма» — разрешительную грамоту после исповеди патриарха Святого Града Иерусалима Феофана IV.

На ситуацию с массовой раздачей восточными патриархами разрешительных исповедных грамот на Украине проливают свет свидетельства самих участников этих акций. Так, в октябре 1653 г., приехавший в Россию за милостыней константинопольский патриарх Афанасий III Пателларий подал царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой среди прочего просил: «...да вели, государь, мне же, богомольцу твоему, *напечатать* (здесь и далее курсив Н. П. Лихачева. — А. Б.) на своем дворе 500 разрешительных грамот, потому что, как я ехал к тебе в Москву чрез войско запорожских казаков, в то, государь, время приходили ко мне на исповедь многие черкасы и, по *обыгаю своему*, просили у меня разрешительных грамот, и мне некого было послать в Киев для напечатания их. А как я, богомолец твой, поеду из Москвы назад, те запорожские казаки опять начнут у меня

¹⁸ РГАДА, ф. 210. Столбцы Приказного стола, д. 39, л. 290 (далее ссылки на следственное дело в тексте). Краткое изложение ольшанского дела 1651 г. о «прелестных письмах» см.: *Опарина Т. А.* «Чужие» письма в русской магии // *Studia Slavica Hungaricae*. Budapest, 2004. Т. 49 / fasc. 1–2. Р. 53–54. Ср.: *Булычев А. А.* Несколько замечаний о так называемых разрешительных грамотах // *Russica Romana*. 2009. Vol. 16. Р. 23.

разрешительных грамот просить, а и н ы е в н о в ь н а и с п о в е д ь п р и х о д и т ь б у д у т (разрядка моя. — А. Б.). Царь государь смилуйся, пожалуй».¹⁹ Очевидно, что в украинских пределах патриаршую разрешительную грамоту мог получить не только христианин, предварительно побывавший на исповеди у святителя Афанасия, но любой желающий. Думается, этому правилу не изменял ни один из восточных иерархов, где и когда бы ни происходила такая раздача.

Летом 1656 г. похожую картину наблюдал и архидиакон Павел Алеппский, запечатлевший посещение главного города Левобережной Украины антиохийским патриархом Макарием III, который вместе со спутниками возвращался на родину в Сирию. Перед отъездом из Киева, 6 (7) июля, Макарий отправился помолиться в кафедральный Софийский собор. «Сюда стеклись все жители города, и он (Макарий. — А. Б.) прочел над ними разрешительные молитвы и благословил их, ибо *все здесь имеют великую веру к патриархам и к их разрешительным грамотам* (здесь и далее курсив мой. — А. Б.), и никто из них, ни вельможи, ни священники мирские и монашествующие, ни молодые и старые женщины, ни девицы, ни даже маленькие мальчики, никто не преминул прийти с его (киевского митрополита. — А. Б.) общего разрешения к нашему владыке патриарху, чтобы он помолился над ними и благословил их и чтобы получить от него разрешительную грамоту, так что мы дивились на их набожность, почтение и смирение. Некоторые женщины, у коих мужья были пьяницы и маловеры, обнаруживали заботу об их душе, *беря разрешительные грамоты не только для себя, но и для своих мужей* (т. е. для лиц, сознательно не участвовавших в описываемом таинстве отпущения грехов. — А. Б.), ибо считали такой дар величайшим и драгоценнейшим. Что может превзойти столь прекрасные религиозные чувства, которые свойственны не только киевским жителям, но поистине преобладают во всяком городе и селении, обитаемом казаками?»²⁰ Справедливости ради необходимо заметить, что пафос и восторг Павла Алеппского, относительно благочестия киевлян в частности и украинских казаков в целом отнюдь не всегда оправданы. Желание кого-либо из православных взять разрешительную грамоту для человека, над которым архипастырь не читал соответствующей молитвы, выглядит проявлением не столько подлинного христианского благочестия, сколько языческого по своей природе фетишизма.

Охота казацких «жинок» за талисманами-оберегами для мужей-нечестивцев находит прямые параллели с описываемым здесь инцидентом с «прелестным листом», произошедшим на исходе зимы 1651 г. в российском Ольшанске. Для неискушенных «простецов» отыскать в написанной от руки (или напечатанной) по-церковнославянски грамоте восточного патриарха «магическое», думается, не составляло большого труда. Первое, что бросается в глаза всякому, кто ее видел, — это подпись первосвященника, выполнен-

¹⁹ Цит. по: *Лихачев Н. П.* О разрешительных грамотах восточных патриархов // Древности / Тр. Императорского Московского археологического общества. М., 1894. Т. 15, вып. 2. С. 79–80.

²⁰ *Павел Алеппский, архидиакон.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 2005. С. 537 (XII; XVII).

ная диковинным для непосвященных греческим минускульным письмом, занимавшая, к тому же, весьма значительное место на листе.²¹ Очевидно, она-то и воспринималась как волшебные письмена, способные спасти и от «пульки», и от «болезни» при деторождении, и от различных иных бед.

К сожалению, на следствии ольшанский воевода И. А. Бунин мало внимания уделил внешнему виду ветхого листа «литовского письма», послужившего И. Колатилину протографом. Доносчик Буйницкий, как известно, обмолвился в съезжей избе, в частности, о том, что он «писан де <...> золотыми словами». В связи с этим уместно вспомнить об украшенных золотом разрешительных непогребальных грамотах антиохийского патриарха Макария. По свидетельству архидиакона Павла Алеппского, использовать такие грамоты мог чрезвычайно узкий круг лиц: члены семьи монарха и, возможно, наиболее влиятельные царедворцы: «При прощании (в начале марта 1656 г. — А. Б.) царь попросил у нашего владыки патриарха (Макария. — А. Б.) разрешительных грамот из тех, которые мы напечатали в Киеве (в Лаврской типографии. — А. Б.) по-русски, и велел ему раздавать их государственным сановникам, что и было сделано. Что касается царя, то я (архидиакон Павел. — А. Б.) отправился [к нему], взяв для него девять грамот, на которых *написал золотом* (курсив мой. — А. Б.) имена его, царицы, их сына, дочерей и сестер его; а что касается вельмож, то по приказанию царя я обошел их дома, в сопровождении переводчика, и всем им роздал грамоты».²²

Сегодня невозможно предложить сколько-нибудь приемлемое объяснение, как такой украшенный золотом патриарший лист «для немногих» мог оказаться сначала у явно неродовитого подьячего Золочевского, а потом у рядового «черкашенина» Данилова. Собственно говоря, остается без ответа и вопрос: а были ли в нем золотые письмена, или это плод фантазии Буйницкого, решившего таким небанальным способом придать своим обвинениям большую убедительность. Ведь золотым цветом с производными от него красным и желтым в славянском фольклоре маркируется, среди прочего, сфера хтонического — мир мертвых, потусторонние силы. При этом золото выступает еще и в качестве сильнейшего оберега.²³ Не исключено, что на допросе в съезжей избе А. Т. Буйницкий сознательно использовал образ *золотых букв* для усиления «инферральности» quasi магического текста.

Впрочем, и без того списки с разрешительной грамоты патриарха Феофана Иерусалимского вызывали у православных жителей Ольшанска отнюдь не позитивные эмоции. На следствии воеводе Бунину удалось выяснить общее количество списков с листа «литовского письма», изготовленных И. Колатилиным. Их оказалось всего два — один принадлежал М. Данило-

²¹ Ср. иную точку зрения на этот документ: *Опарина Т. А.* «Чужие» письмена в русской магии. Р. 54–62. Подробнее о непогребальных разрешительных грамотах см.: *Булычев А. А.* Несколько замечаний о так называемых разрешительных грамотах. Р. 21–25.

²² *Павел Алеппский, архидиакон.* Путешествие антиохийского патриарха Макария... С. 518 (XII; IX).

²³ См.: *Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н.* Золото // *Славянские древности.* М., 1995. С. 354–355.

ву, а второй переписчик сделал для себя. Однако свой экземпляр Колатилин сжег, после того как «литовской» поп Назарий, священник ольшанской Покровской церкви, духовно окормлявший местных «черкас», увидев в его руках список Феофановой грамоты, назвал его «еретическим» (л. 293). Претензии иерея к тексту, скопированному Колатилиным, не заинтересовали следствие в Ольшанске, а потому не были закреплены на бумаге письменно.

Владелец другого списка грамоты иерусалимского патриарха «черкашенин» Данилов держался совсем иного мнения. Он не стал уничтожать ни колатилинскую копию, ни ветхий протограф. Более того, возникает ощущение, что лист «литовского письма» обветшал и пришел в негодность в результате повседневного использования в качестве оберегового талисмана, а список с него потребовался М. Данилову, дабы сохранить магический артефакт впредь.

По результатам «розыска» в Государевом Разряде судьи, вероятно, учтя факт уничтожения И. Колатилиным своего списка «прелестного» листа, приговорили его к сравнительно легкой экзекуции — прилюдному битью батогами. Ветхую грамоту «литовского письма» и список с нее, выданный М. Даниловым воеводе Бунину, надлежало также публично сжечь (л. 294). Совсем иначе сложилась судьба доносчика А. Т. Буйницкого. Сразу по завершении дознания царь повелел наградить его четырьмя рублями из денежных средств, имевшихся на тот момент в Ольшанске (л. 295). Но на этом монаршие милости, предназначавшиеся «изветчику», не иссякли. В пошлинных книгах Печатного приказа читается запись о пожаловании ему земельной дачи [до 28 марта 1653 г.]: «Выпись в строельных в Ольшанских книгах строенья Истома Сухотина: Нынешнего 161-го году, по челобитью олшанского черкашенина *нововерстаного сына боярского* (курсив мой. — А. Б.) Александра Буйницкого на десять чети».²⁴ Очевидно, что дело о «прелестных листах» стало для «выезжего черкашенина»-простолюдина чудодейственным пропуском в социальный «лифт», вознесшим его на немислимую сословную высоту.

* * *

Итак, «заговорное» письмо, владельцем которого был М. Шигилеевский, представляло собой классический «белый» заговор против едва ли не самой страшной болезни, угрожавшей человечеству — чумы. Однако сам хозяин магического текста, по-видимому, не расстававшийся с ним ни на минуту, рассматривал его как «оберег» более широкого спектра действия. Несмотря на показания Шигилеевского на дознании в Государевом Разряде, лингвистические особенности текста заставляют усомниться в его «литовском» происхождении.

Ольшанское дело еще более интересно. В нем в качестве универсально-го «белого» заговора, помогающего сохранить жизнь владельца во время боя, а его жене обеспечить безболезненное деторождение, использовался quasi магический текст — разрешительная грамота после исповеди иерусалимского патриарха Феофана. «Волшебной» непросвещенные владельцы

²⁴ РГАДА, ф. 233, оп. 1, д. 67, л. 329 об.

явно воспринимали подпись восточного первосвященника, выполненную греческим минускульным письмом. Как и в случае с «воровской» грамоткой М. Шигилеевского, патриарший лист выполнял функцию талисмана-панацеи. По-видимому, именно интенсивное использование его в этом качестве привело к обветшанию, вынудив М. Данилова обратиться с просьбой к И. Колатилину, дабы тот снял копию с оригинала. Однако в отличие от «письма» Шигилеевского, ольшанский артефакт имел очевидную связь с Речью Посполитой.